ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 39+316

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ РУССКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В.Е. Козлов, Т.А. Титова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены особенности «этнической культуры» и ее место в повседневной жизни русского городского населения Республики Татарстан. Охарактеризована ее символическая и функциональная роль в повседневной и духовной жизни различных социально-демографических групп городских русских. Теоретической основой исследования является герменевтический подход, который позволяет интерпретировать феномены социальной реальности, имеющие высокую символическую значимость. Источником для теоретических обобщений послужили материалы комплексного этносоциологического исследования современного русского населения Республики Татарстан, проведенного осенью 2022 г. с использованием как количественных (массовый опрос), так и качественных (глубинные интервью, фокус-группа) методов. Полученные результаты свидетельствуют о наличии прямой взаимосвязи между типом этнической идентичности и уровнем этнокультурных потребностей русского городского населения Татарстана.

Ключевые слова: этническая идентичность, этничность, этнокультурные потребности, символический капитал, институт культуры, обряды жизненного цикла

Русское население Республики Татарстан (ранее ТАССР, Казанская губерния) является одним из ключевых объектов исследования казанских этнологов/этнографов начиная с середины XX в. [1, с. 341–366]. Вместе с тем вплоть до второй половины 80-х годов XX в. основным предметом изучения выступали особенности традиционной культуры сельского русского населения края. Это имеет вполне логичное объяснение и обусловлено тем, что именно сельская среда рассматривалась как пространство, где традиция сохраняется и передается из поколения в поколение с гораздо меньшими, чем в городе, изменениями. В рамках принятой в советской этнографии методологии «традиционная культура» длительное время выступала основным предметом научного описания. В 1931 г. на страницах главного журнала советских этнографов, незадолго до этого сменившего название «Этнография» на «Советская этнография», был опубликован ряд программных статей ведущих отечественных ученых, посвященных формулировке основных задач этно-

графической науки. В качестве магистральной была обозначена следующая: «Исследование докапиталистических пережитков или ...изучение доклассовых и раннеклассовых обществ и архаических пережитков в обществах развитых» [2, с. 4]. Бессменный директор Института этнографии АН СССР с 1942 по 1965 г. С.П. Толстов в своей статье, подводящей общие итоги развития советской этнографической науки за 30 лет, следующим образом сформулировал ее специфику: «Характерной особенностью советской школы в этнографии является ее последовательный историзм» [3, с. 14]. Несмотря на то, что со второй половины 40-х годов XX в. ведущие этнографы все активнее начинают интересоваться современностью [1, с. 68], большая часть профессионального сообщества реагирует на это довольно инертно, что становится очевидным при изучении заголовков статей в том же журнале «Советская этнография». Согласно данным контент-анализа номеров за 1931–1991 гг., общее количество статей с использованием таких слов и словосочетаний, как *традиция (традиции), традиционный/ая/ое, традиционная культура, фольклор, обряд, обычай, народный/ая/ое*, составило более 600, причем частота последовательно возрастала и достигла своего пика в 70–80-е годы XX в., хотя к этому времени состоялась реабилитация обществоведческих дисциплин, в первую очередь социологии, что способствовало значительному расширению предмета изучения в рамках этнической проблематики.

Включение городской тематики в научный дискурс казанской этнографической школы также определялось историко-этнографическим форматом описываемого материала в рамках уже сложившейся методологии [4–7]. Отдельные публикации упомянутого периода, в том числе монографии, посвященные этнической проблематике в городской среде, не рассматривали русских как самостоятельный объект изучения, включая их в обобщенную группу – население ТАССР [8].

Первые два постсоветских десятилетия ввели в научный дискурс новые понятия и темы, среди которых наиболее актуальными стали проблемы этнической идентичности и межэтнических отношений между народами России (особенно в полиэтничных национально-территориальных субъектах федерации), религиозность и религиозные практики в этнических группах и др. Стоит отметить, что до начала 10-х годов XXI в. русские Татарстана фактически отсутствовали как самостоятельный объект изучения, и их «возвращение» в качестве такового произошло не столь давно. Хотя значительная часть вышедших в последние годы монографий и статей по-прежнему была посвящена этнографическому описанию различных сторон традиционной культуры русских Татарстана [9], согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доля сельского русского населения в республике составляла чуть более 20% от общего числа русских, проживающих в Татарстане (ВПН 2002). Уточненных данных для этой категории жителей по результатам последующих переписей 2010 и 2020 гг. представлено не было, но изменение динамики в сторону увеличения доли русских сельчан маловероятно в силу сохранения общей направленности демографических и социально-экономических процессов. Следовательно, все основные этносоциальные и этнокультурные процессы в среде местного русского населения сконцентрированы в городском пространстве, которое теперь определяет границы и

содержание «традиции», а также динамику ее «хабитуализации» [10, с. 39] (то есть «опривычивания»).

Прежде чем приступить к непосредственному анализу результатов комплексного этносоциологического исследования современного русского населения Республики Татарстан, реализованного в 2022 г. с использованием как количественных (массовый опрос), так и качественных (глубинные интервью, фокус-группа) методов, остановимся на некоторых понятиях, используемых в ходе научного описания, среди которых – *этническая идентичность* и *этнокультурные потребности*. Под первой мы понимаем интериоризирующий императив, определяющий не только сам факт включенности человека в этническую группу, но и принятие им характеризующих ее ролевых моделей и атрибутов. Данная форма социальной идентичности обладает индивидуальным и групповым измерениями, но именно групповая форма идентичности выполняет по аналогии с «коллективными представлениями» [11] важные организующую и управляющую функции, поэтому в ходе дальнейшего анализа этнической идентичности уделено большое внимание. *Этнокультурные потребности* понимаются нами как «национально-культурные потребности... – потребности людей (групп людей) в самоидентификации, сохранении и развитии своих культуры и языка» (Страт.)

В ходе исследования использовался ряд вопросов, позволяющих выявить роль этнической идентичности русских горожан в общей структуре актуализированных типов их социальной идентичности. Сама формулировка вопросов предполагала мультивариантный полуоткрытый формат ответов, который позволял каждому участнику опроса выбрать до трех наиболее подходящих вариантов или сформулировать свой собственный в случае отсутствия подобного в имеющемся перечне. Результаты опроса даны в процентах от общего количества всех ответов и распределены в порядке убывания, также указано общее количество респондентов, выбравших данный вариант ответа.

Согласно приведенным на табл. 1 данным, этническая идентичность несколько уступает по приоритетности гендерной и они обе значительно опережают все остальные. Подобная структура предпочтений значительно отличается от структуры актуализированных идентичностей сельчан, у которых именно этническая идентичность уверенно лидирует, составив 34.3% всех ответов (208 человек в абсолютном измерении). Следующая по частоте выбранных вариантов – региональная идентичность (*житель Татарстана (татарстанец)*), составившая 20.8% (126 человек), далее – общегражданская (*гражданин России (россиянин)*) – 18% (109 человек), а затем – гендерная, составившая 15.7% (95 человек). У русских горожан, напротив, общегражданская идентичность заметно опережает по популярности региональную, которые составляют 15.7% (332 человека) и 8.8% (186) соответственно. Также у горожан заметную роль играет поколенческая идентичность – 9.4% (199 человек), опережая в данном случае и региональную идентичность, и даже такую условно традиционную, как религиозная (православная), которую отметили лишь 5.4% (114 человек). Из интервью: «Интервьюер: *Вы задумывались когда-нибудь о том, что для Вас значит быть русским?* Респондент: *Чтобы к этому вопросу философски подходить, конечно же, никогда не думала*» (женщина, 47 лет, г. Елабуга).

Табл. 1

Кем Вы себя в большей мере ощущаете?	% от общего кол-ва ответов	Количество респондентов
мужчиной (женщиной)	26.1	552
русским (ой)	23.5	496
гражданином России (россиянином)	15.7	332
представителем своего поколения	9.4	199
жителем Татарстана (татарстанцем)	8.8	186
представителем своей профессии	6.9	145
православным (христианином)	5.4	114
кем-то другим	3.3	69
затрудняюсь ответить	0.9	18

Исходя из выявленного распределения предпочтений респондентов по типам социальной идентичности, можно предположить, что городская среда оказывает значительное влияние на некоторые условно «традиционные» типы идентичности.

На вопрос: «Важно ли в наше время человеку ощущать себя частью своей национальности?» – утвердительно ответили 43.1% респондентов, в то время как 20.4% – отрицательно и 34.3% затруднились с ответом. Иными словами, более половины принявших участие в исследовании русских горожан не рассматривают этническую форму консолидации как высоко актуальную для себя в современных условиях. Из группового фокусированного интервью: «Модератор: *Кем вы себя ощущаете? Что более актуализировано, что менее? Что для вас значит быть русским?* Респондент: *Негатива никакого не испытываю. Ощущаю себя скорее россиянином, чем русским.* Модератор: *У тебя гражданская идентичность является основополагающей?* Респондент 1: *Да. И сверхрадости какой-то нет. Это обычно, это нормально. Для меня лично без разницы, какой национальности человек*» (мужчина, 24 года, г. Казань).

Подобный результат, по нашему мнению, свидетельствует о восприятии этнической принадлежности как в большей степени формальной характеристики. А в ситуации, когда ее надо перевести в когнитивную, то есть осмысленную или лично значимую, многие респонденты не видят в этом необходимости, распределяя предпочтения между другими типами идентичности, например, общегражданской и поколенческой.

Еще более ярким индикатором значимости этнического имел вопрос о том, являются ли русские жители Республики Татарстан особой группой русского народа, отличающейся от русских других регионов страны. Утвердительный ответ предполагал наличие у респондента не только четкой позиции, но и устойчивой этнической самоидентификации вплоть до субэтнической. Согласно полученным результатам, однозначно согласны с тем, что русские Татарстана – особая группа русского народа, лишь 5.4% русских горожан. Еще 14.2% скорее согласны, 67.7% скорее не согласны, а 2.2% опрошенных однозначно не согласны. Это значит, что примерно пятая часть респондентов достаточно отчетливо идентифицирует себя в качестве представителей особой этнотерриториальной группы, но абсолютное большинство опрошенных не имеет дисперсизированной этни-

ческой идентичности. Из группового фокусированного интервью: «Модератор: *Вы живете здесь пять лет. Отличаются местные русские от русских вашей малой родины?* Респондент: *Сложный вопрос. До того, как приехала сюда, я была в Казани несколько раз. Турист – это одно, а когда сюда приезжаешь – это совсем другое. Я выросла в среде, где большинство русских, где всегда говорили на русском языке. А здесь два народа, понятно, что татарский преобладает, здесь речь больше на татарском.* Модератор: *А местные русские, с которыми вы столкнулись, стали взаимодействовать, не отличаются от самарских?* Респондент: *Нет*» (женщина, 29 лет, г. Казань).

Для сравнения – в группе сельчан доля лиц с этнотерриториальной идентичностью в совокупности составила 36.6%. По нашему мнению, такие значимые различия в социальных группах обусловлены рядом причин: во-первых, длительной высокой иммиграцией населения в города Татарстана как из других регионов РФ, так и из постсоветского пространства, во-вторых – воздействием самой урбанизированной среды, имеющей надэтнический интернационализованный характер, и, наконец, – более тесным взаимодействием с представителями второй группы этнического большинства – татарами, следствием чего является большое количество межэтнических браков, способствующих формированию амбивалентной этнической идентичности.

Религиозная идентичность также рассматривалась в рамках исследования в качестве важного элемента общекультурной самоидентификации наряду с этнической (табл. 2).

Табл. 2

Считаете ли вы себя верующим человеком?	%	Количество респондентов
да	36.2	313
скорее да	21.9	189
скорее нет	16.6	143
нет	23.4	202
затрудняюсь ответить	1.9	17

Представленные в табл. 2 результаты интересны тем, что доли как однозначно утвердительных вариантов ответа, так и однозначно отрицательных оказались больше, чем условно компромиссных, что является довольно необычным. Как правило, информанты склонны выбирать именно «смягченные» варианты ответов, что позволяет им выражать свое сложное отношение к предлагаемому явлению. Однако в проведенном нами опросе респонденты, наоборот, посчитали для себя более приемлемым выразить однозначную позицию. Это свидетельствует, по нашему мнению, о внутренней поляризации мнений в группе «русские горожане Татарстана» по отношению к фактору религии в современном обществе. Примерное соотношение общего количества респондентов, которые в целом считают себя верующими, и тех, кто таковыми себя не считает, – 60% к 40%, что свидетельствует о достаточно высокой секуляризованности современного русского городского населения. Из интервью: «Интервьюер: *А Вы сами себя религиозной считаете?* Респондент: *Я верующий человек, православный человек, но я не воцерковленный человек, то есть я не соблюдаю посты, у меня не было давно причастий. То есть я в 90-е гг. как*

перестала это делать, так больше к этой практике пока не возвращалась» (женщина, 51 год, г. Казань).

В целом, характеризуя структуру актуализированных типов социальной идентичности современных русских горожан Татарстана, можно говорить об имеющем место неартикулированном делении их на естественные (формализованные) и индивидуализированные. К первым относятся такие виды идентичности, как этническая и гендерная. Ко вторым – поколенческая, профессиональная и религиозная. Причем в случае последней очевидно, что она, несмотря на усилия, предпринимаемые государством в последние десятилетия на федеральном уровне, так и не смогла вернуться у местного русского населения в категорию «естественных».

Одним из факторов, влияющих на общий уровень социального самочувствия представителей этнической группы, может быть наличие нереализованных этнокультурных потребностей. В ходе исследования использовались как прямые вопросы, позволяющие выявить фактическое отношение респондентов к сфере этнической культуры, так и опосредованные, ответы на которые можно с высокой степенью релевантности использовать при анализе общегруппового запроса на этническую самоидентификацию.

К первой группе относились такие вопросы, как: «Посещаете ли вы мероприятия, посвященные русской культуре (народные праздники, представления, театральные и музыкальные постановки)?» и «Имеются ли у вас в семье какие-либо атрибуты народной культуры (посуда, одежда, семейные предания и реликвии)?» (табл. 3, 4).

Табл. 3

Посещаете ли Вы мероприятия, посвященные русской культуре (народные праздники, представления, театральные и музыкальные постановки)?	%	Количество респондентов
да, регулярно	6.7	58
да, иногда	49.7	429
нет, потому что они не проводятся в моем населенном пункте	2.1	18
нет, потому что мне это не интересно	34.2	296
Другой вариант: нет времени или не могу по состоянию здоровья, но я бы хотел(а) и др.	7.3	63

Несмотря на то, что однозначно подтвердили свое участие в мероприятиях этнокультурной направленности немногим более 7% респондентов, общее количество так или иначе принимающих в них участие составляет около 60% от общего количества опрошенных. В тоже время треть участников опроса отметили свое безразличие к подобным мероприятиям. Из интервью: «Интервьюер: *Есть ли у русских Татарстана запрос на восстановление, возврат аутентичной культуры, традиций каких-то, праздников?* Респондент: *Оно, может быть, не задумывается о том, есть ли у него запрос. Но как только люди туда попадают, они чувствуют себя счастливыми»* (женщина, 64 года, г. Казань).

Табл. 4

Имеются ли в Вашей семье какие-либо атрибуты народной культуры (посуда, одежда, семейные предания и реликвии)?	%	Количество респондентов
да	26.5	229
нет и не было	35.2	304
нет, но раньше были	36.2	313
нет, но хочу приобрести	2.1	18

Согласно данным, приведенным в табл. 4, более четверти респондентов по-прежнему хранят артефакты, которые воспринимают как элементы этнокультурной традиции. Среди наиболее типичных примеров, названных в качестве атрибутов народной культуры, фигурировали: элементы одежды и предметы с вышивкой, предметы домашней утвари и единичные предметы, связанные с личностью прародителей. Сравнительный анализ ответов на этот вопрос сельских русских показал сопоставимые результаты по всем вариантам ответов, то есть уровень интереса к этнической истории в социальных группах горожан и сельчан в целом одинаков. Более показательны данные респондентов разных возрастов; в частности, доли тех, кто сохраняет предметы народной культуры в возрастных группах 18–30 лет и 31–50 лет, примерно равны, но они почти в два раза ниже, чем в возрастной группе старше 51 года.

Такое существенное снижение интереса к условной традиционности у поколений «позднего» Советского Союза и всего постсоветского периода, на наш взгляд, может являться результатом кардинальных социальных сдвигов второй половины 60-х – начала 70-х годов XX в., когда в результате массовой урбанизации на фоне общесоюзныхстроек (ВАЗ, КамАЗ, нефтяная промышленность Западной Сибири и др.) русские окончательно становятся урбанизированной общностью, особенно в экономически развитых регионах. Таким образом, именно сочетание двух факторов – городской среды и возраста – становится определяющим в этнокультурных ориентациях современного русского населения, демонстрируя прямую зависимость: чем моложе горожанин, тем менее выраженной является его потребность в своей этнической атрибуции.

Еще одним важным элементом культуры, который имеет как прикладное, так и символическое значение для большинства представителей любой этнической общности, традиционно выступает язык. В нашем исследовании было важно оценить степень общей удовлетворенности возможностями использования русского языка в разных сферах жизнедеятельности, поскольку ранее представителями общественности высказывались мнения о недостаточном объеме его преподавания в учебных заведениях республики, приводившее к снижению уровня владения им молодежью и росту неудовлетворенности общества этим фактом. Результаты исследования зафиксировали весьма высокий уровень удовлетворенности в целом по группе возможностями использования русского языка во всех предложенных сферах: в бытовом и профессиональном общении, при взаимодействии с органами государственной власти, в сфере образования на всех ее ступенях. Показатели удовлетворенности респондентов колебались в диапазоне от 85% и выше. Таким образом, можно говорить об отсутствии неудовлетворенности возможностями использования русского языка в повседневности

у абсолютного большинства русских горожан Татарстана. Из интервью: «Интервьюер: Скажите, существуют ли проблемы с русским языком в полиэтничном регионе, как минимум в биэтническом регионе, где всегда стремятся к паритету? Респондент: Мне кажется, нет, потому что в систему образования он встроен, литература выпускается, выходит... федеральная литература переиздается, социальные сети, телеканалы – все на русском языке, театр на русском языке, большая часть театров на русском языке, все информационное пространство на русском языке. Другое дело, что есть районы, где русское население составляет меньшинство, вот там даже, если придешь в музей, подписи сначала идут на татарском, а потом уже на русском» (женщина, 37 лет, г. Казань).

Вместе с тем весьма интересные данные содержит анализ ответов на проективный вопрос о языковых приоритетах русского населения. В табл. 5 приведены как доли конкретного ответа в общем количестве всех ответов (можно было выбрать до трех вариантов), так и количество респондентов, выбравших тот или иной язык.

Табл. 5

Каким языком / какими языками, по Вашему мнению, Ваши дети (внуки) должны владеть в первую очередь?	%	Количество респондентов
русским	51.8	807
английским	32.7	510
татарским	10.5	163
арабским	0.9	14
турецким	0.5	10
каким-то другим	1.7	26
затрудняюсь ответить	1.9	29

Согласно представленным в табл. 5 результатам, отдавая приоритет родному языку, большинство русских горожан видят в качестве второго языка своих детей не язык этнической группы-партнера, каковым является татарский, а международный язык – английский. Причем доля респондентов, отметивших татарский язык в качестве приоритетного, составила всего чуть более 10% от числа опрошенных, в то время как выбравших английский – в три раза больше. Эти результаты, по мнению авторов, отражают сужение сферы функционирования татарского языка до бытования в семье. Этот факт формирует у большинства русских горожан восприятие татарского языка как не несущего для них существенного социального и иного потенциала. Из фокусированного группового интервью: «Модератор: Как Вы считаете, русский язык в республике себя комфортно чувствует? Он может быть представлен во всех сферах? Респондент: Я не считаю, что это плохо, но вы сделайте это качественно. Речь даже была не о том, что много часов [татарского у детей в школе], просто это была бесполезная трата времени. Безрезультатно. А как было бы здорово если бы они знали еще и татарский! Тем более что это языки из разных групп, это обогащает человека. Но у нас это все бездарно велось» (женщина, 46 лет, г. Казань).

Еще одним показательным маркером вовлеченности индивида в традиционные практики является ритуализованное оформление такого важного в жизни человека события, как вступление в брак и создание семьи. В постсоветский

период был в полной мере восстановлен формат религиозного (православного) оформления брака, чем стали пользоваться многие русские, причем даже те, кто уже длительное время состоял в браке, оформленном без участия церкви. В рамках настоящего исследования респондентам было предложено выразить свои предпочтения в вопросе оформления брака как в реальном, так и проективном вариантах (табл. 6).

Табл. 6

Какой способ оформления брачных отношений наиболее приемлем для Вас?	%	Количество респондентов
регистрация в отделах ЗАГС	57.2	494
религиозный обряд (венчание, никах, иное) без регистрации в отделах ЗАГС	2	17
религиозный обряд (венчание, никах, иное) и регистрация в отделах ЗАГС	27.5	238
гражданский брак (просто жить вместе, без всякой регистрации отношений)	10.5	91
затрудняюсь ответить	2.8	24

Представленные в табл. 6 результаты вновь демонстрируют отмеченную ранее высокую секуляризованность русского населения республики. С учетом тех, кто предпочел гражданский брак, доля респондентов, не ориентированных на религиозный ритуал оформления брачного союза, составляет около 70% от числа опрошенных русских горожан. (При этом количество респондентов, предпочитающих совместное проживание без регистрации отношений, среди горожан вдвое больше, чем в группе русских сельчан.) Те, кто так или иначе ориентирован на религиозное оформление брачных отношений, составляют менее трети от общего числа респондентов. Если сопоставить приведенные в табл. 6 данные с результатами исследования собственно религиозной идентичности, то количество ориентированных на формат религиозного оформления брака примерно соответствует количеству тех, кто однозначно отнес себя к категории верующих. Таким образом, можно сделать вывод, что доля русских горожан, для которых религиозный фактор является значимой частью их социальной идентичности, не превышает трети от общей численности представителей этой группы.

Подводя итоги проведенного исследования, можно отметить следующее:

– этническая идентичность сохраняет статус одной из ключевых групповых идентичностей, что является в большей степени отражением представлений о ее «естественном» характере. В ситуациях, требующих деятельного проявления этнической компоненты, доля лиц с выраженной этнической идентичностью заметно снижается. Религиозная идентичность, в отличие от этнической, рассматривается многими респондентами как индивидуальный выбор человека. В группе русских горожан (особенно молодых) заметна тенденция к высокой степени секуляризованности, доля респондентов с подобными установками достигает в целом 40% от общего количества опрошенных;

– удовлетворение этнокультурных потребностей не вызывает затруднений у абсолютного большинства русского населения при весьма невысоком запросе на поддержание собственно этнических традиций и обрядов. Механизм сохранения высокого уровня групповой этнической идентичности в описываемой группе

русских Татарстана реализуется в первую очередь посредством взаимодействия с титульной этнической группой и ее культурой.

В целом можно констатировать, что этнический фактор в условиях городской среды приобретает у русского населения республики все более символический характер, формируя индивидуализированные траектории реализации этнокультурных потребностей.

Источники

ВПН2002 – Национальный состав населения Республики Татарстан: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, Т. 4 / Федер. служба гос. статистики, Комгосстат РТ. Казань, 2004. 131 с.

Страт. – Указ Президента РФ от 6 дек. 2018 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.» (Раздел 1, п. 4.2) Законодательство России: [Сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>, свободный.

Литература

1. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. 556 с.
2. *Перишц А.И., Чебоксаров Н.Н.* 50 лет журнала «Советская этнография» // Совет. этнография. 1976. № 4. С. 3–26.
3. *Толстов С.П.* Вопросы общей этнографии и антропологии // Совет. этнография. 1947. №4. С. 8–28.
4. *Зорин А.Н.* Уездные города Казанского Поволжья (Опыт историко-этнографического изучения планировки). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 156 с.
5. *Зорин А.Н.* Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX вв.: Историко-этнографический очерк. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 154 с.
6. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья: кол. монография / Науч. ред. А.Н. Зорин. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000. 693 с.
7. *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 704 с.
8. Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973. 330 с.
9. Традиционная культура русских Республики Татарстан: материалы и исследования: коллект. монография / Отв. ред. А.В. Черных, В.Е. Добровольская. СПб.: Маматов, 2021. 552 с.
10. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с.
11. *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание. М.: Изд. Дом Высш. школы экономики, 2021. 456 с.

Поступила в редакцию 25.07.2023

Принята к публикации 25.09.2023

Козлов Вадим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

Титова Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 192–203

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203

Ethnic Identity and Ethno-Cultural Needs of the Russian Urban Population in the Republic of Tatarstan

V.E. Kozlov, T.A. Titova***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: **vadim.kozlov@list.ru, **tatiana.titova@rambler.ru*

Received July 25, 2023; Accepted September 25, 2023

Abstract

This article considers the features of “ethnic culture” and its place in the everyday and spiritual life of the Russian urban population of the Republic of Tatarstan. Its symbolic and functional importance for various sociodemographic groups is explored. The population of Tatarstan is viewed as a single historical and ethnographic community descending from the Great Russians of the Volga region. The structure of the social identity types and the characteristics of ethno-cultural group practices are described. Special attention is paid to how social space and ethno-cultural needs are related. The comparative analysis of different social groups of the urban and rural Russian residents of Tatarstan is carried out. The study employs the hermeneutic approach to decipher social phenomena with symbolic meanings. The theoretical insights and generalizations are based on the materials of a comprehensive ethno-sociological study performed on the modern Russian population of Tatarstan in 2022 with the help of both quantitative (mass survey) and qualitative (in-depth interviews, focus group) methods. The results obtained show a direct relationship between the type of ethnic identity and the level of ethno-cultural needs among the Russian urban population of Tatarstan. It is also concluded that many ethno-cultural practices, from the ritualized tradition to personal interiorization, have transformed under the influence of the socio-cultural landscape of the city.

Keywords: ethnic identity, ethnicity, ethnocultural needs, symbolic capital, institution of culture, life rites

References

1. Martynova M.Yu., Tishkov V.A. et al. *Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki: kol. monografiya* [Soviet Ethnography in the History of State and National Politics: A Joint Monograph]. Martynova M.Yu. (Ed.). Moscow, IEA Ross. Akad. Nauk, 2022. 556 p. (In Russian)
2. Pershits A.I., Cheboksarov N.N. The 50th anniversary of “Sovetskaya Etnografiya” journal. *Sovetskaya Etnografiya*, 1976, no. 4, pp. 3–26. (In Russian)
3. Tolstov S.P. Problems of general ethnography and anthropology. *Sovetskaya Etnografiya*, 1947, no. 4, pp. 8–28. (In Russian)

4. Zorin A.N. *Uezdnye goroda Kazanskogo Povolzh'ya (Opyt istoriko-etnograficheskogo izucheniya planirovki)* [District Towns of the Kazan Volga Region (A Historical and Ethnographic Study of the Layout)]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1989. 156 p. (In Russian)
5. Zorin A.N. *Gorozhane Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XVI – nachale XX vv.: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Urban Population of the Middle Volga Region in the Second Half of the 16th–Early 20th Centuries: A Historical and Ethnographic Essay]. Kazan, Kazan. Univ., 1992. 154 p. (In Russian)
6. *Ocherki gorodskogo byta dorevol'yutsionnogo Povolzh'ya: kol. monografiya* [Essays on the Urban Life of the Pre-Revolutionary Volga Region: A Joint Monograph]. Zorin A.N. (Ed.). Ulyanovsk, Srednevolzh. Nauchn. Tsentr, 2000. 693 p. (In Russian)
7. Zorin A.N. *Goroda i posady dorevol'yutsionnogo Povolzh'ya* [Towns and Posads of the Pre-Revolutionary Volga Region]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2001. 704 p. (In Russian)
8. *Sotsial'noe i natsional'noe: Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR* [Social and National Phenomena: The Ethnosociological Studies of the Tatar ASSR]. Moscow, Nauka, 1973. 330 p. (In Russian)
9. *Traditsionnaya kul'tura russkikh Respubliki Tatarstan: materialy i issledovaniya: kollekt. monografiya* [Traditional Culture of Russian People in the Republic of Tatarstan: Materials and Studies] A Joint Monograph]. Chernykh A.V., Dobrovol'skaya V.E. (Eds.). St. Petersburg, Mamatov, 2021. 552 p. (In Russian)
10. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, Mosk. Filos. Fond, 1995. 323 p. (In Russian)
11. Durkheim E. *Moral'noe vospitanie* [Moral Education]. Moscow, Izd. Dom Vyssh. Shk. Ekon., 2021. 456 p. (In Russian)

Для цитирования: Козлов В.Е., Титова Т.А. Этническая идентичность и этнокультурные потребности русского городского населения Республики Татарстан // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 192–203. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203).

For citation: Kozlov V.E., Titova T.A. Ethnical identity and ethno-cultural needs of the Russian urban population in the Republic of Tatarstan. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 192–203. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203). (In Russian)